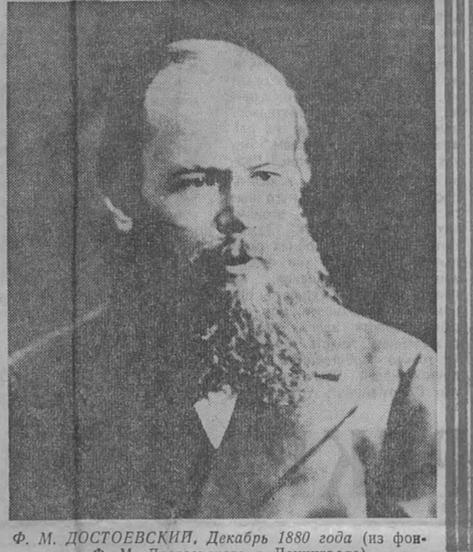

К 160-летию со дня рождения Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО

Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ. Декабрь 1880 года (из фондов музея Ф. М. Достоевского в Ленинграде).

Сегодня исполняется 160 лет со дня рождения классика русской литературы Ф. М. Достоевского. Нынешний юбилей великого писателя носит особый характер: мы отмечаем не только его рождение, но и 100-летие со дня его смерти. Вместе с нами по решению ЮНЕСКО Достоевского чтят во всем мире. Творчество выдающегося художника-реалиста оказало огромное влияние на развитие всей мировой культуры. И в наше время его произведения, насыщенные глубоким философским содержанием, тончайшим психологизмом, проникнутые идеями высокого гуманизма, сострадания к человеку и верой в его духовные возможности, продолжают вызывать живой и страстный отклик у миллионов читателей. Однако сложность самой личности писателя, различные противоречия его мировоззрения, его философской и художественной мысли рождали и рожают

самые различные, подчас глубоко тенденциозные, ошибочные концепции его творчества. И сегодня новые западные интерпретаторы Достоевского вслед за идеалистической критикой начала XX века стремятся подчеркнуть высокий социальный и гуманистический пафос его творчества, преподнести как главные в его произведениях вопросы отвлеченного, метафизического порядка.

Разоблачая и отвергая такой подход, советская наука много сделала в последние годы для объективной, верной оценки наследия великого русского писателя.

Ряд материалов, посвященных Достоевскому, был напечатан в этом году на страницах нашей газеты. В них говорилось о колоссальном значении творчества Достоевского для современного художественного развития, о том, что для его произведений характерен пафос антибуржуазности, протест

против социальной несправедливости. Особое внимание было уделено сложности жизненного и творческого пути Достоевского, противоречивости многих его философских построений (статьи Ю. Мелентьева, Г. Фриденлера, «ЛГ», № 7). Критике некоторых западных концепций творчества великого писателя было посвящено выступление К. Степаняна («ЛГ», № 44).

Публикуемая сегодня статья доктора филологических наук Н. Скатова, не претендуя на охват всех проблем, встающих ныне в связи с именем Достоевского, высвечивает такие грани творчества писателя, как гуманизм, беспощадность реалистического взгляда, величайшая сила проникновения в тайную тайных человеческой природы.

ВЕЧНО ЖИВОЕ НАСЛЕДИЕ

Николай СКАТОВ,
доктор филологических наук

«ДОСТОЕВСКИЙ — но в меру», — предупредил однажды Томас Манн. Вряд ли здесь стоит говорить хоть о чем-то, напоминаям философскую осторожность. Ведь в конце концов это сказал создатель «Доктора Фаустуса». Но, очевидно, именно создатель «Доктора Фаустуса» с особой силой должен был понять, какой же бездонной глубиной открывается мир Достоевского: сама просьба умерить Достоевского шла, конечно, от острого ощущения его безмерности. Да разве один Томас Манн испытал желание, приобщаясь к Достоевскому, очертить некий заклиательный круг? Но Достоевский ли — Достоевский в меру? И что это за мера?

Мер, впрочем, ему отмерили много и многие. «Новый Гоголь...» — было заявлено Крутом Белинского. Понятно: все еще жило ощущение гения Гоголя, да и сам он еще был жив. Однако надежда увидеть в Достоевском ость и нового, но именно Гоголя оказалась черевата разочарованием, которое и последовало.

«Певец бедных людей», «защитник униженных и оскорбленных» — названия первых книг писателя как бы «провоцировали» критику наподобие определения его художественной индивидуальности. Но уже здесь, в первых произведениях Достоевского, проявлялась изначальная особенность его дарования — страшная сила проникновения в душу человека, уже здесь совершалось и его главное открытие — беспредельность и безмерность этой души. Критика еще только начинала разговоры о бедном чиновнике, о «маленьком человеке», но стояла у Достоевского за образом бедных людей уже образ всего бедного человечества. Сегодня-то это ясно. «Я звал процесс со всем нашим литературою» — это Достоевский осознал сразу. Скорее, чем осознала сама литература. С появлением «Двойника» и она осознала.

Но вступал в таябу с русской литературой Достоевский как ев, как еврейская литература, продолжение. Уже все она до Достоевского готовилась сказать то, что сказала его устами. Личность — вечная тема, в ней эта личность находила постоянного защитника. Однако Достоевский не торопился выступить только в этой привычной для русского литератора роли и тем попасть в, казалось бы, столь достойную и бесспорную гуманистическую традицию. Он снова начал вы-

яснять обстоятельства дела и в «Двойнике» первый раз их представил: не становясь адвокатом, но и не превращаясь в прокурора, он скорее прошел здесь, так сказать, свидетелем по делу. И засвидетельствовал: нецелность человеческой личности, уже достаточно осознанная и многократно представленная в литературе как двойственность, переросла в двойничество. Двойственность еще означала две стороны характера, осознающего себя как единое, хотя и противоречивое явление. В двойничестве двойственность доходила до предела, за которым начиналось уничтожение характеров, по сути, уничтожение человека.

Необычность повести для русской литературы критика поняла со всей очевидностью. Оценки были довольно резкие. И сразу же — в немедленных журнальных статьях. И много спустя — в медлительных академических писаниях. Как правило, автора осуждали за отступление от Гоголя, от Белинского, от гуманистических традиций. Одновременно предпринимались и попытки «сравнительности». «Ни о каком отступлении от традиций гоголевской школы, от идейных заветов Белинского, — писало уже в наши дни, — применительно к «Двойнику» говорить не приходится. «Двойник» толковался как «типичная чиновничья повесть сороковых годов».

И в осуждении, и в защите спорными были сами исходные посылки. И почему от традиции гоголевской школы можно только отступать, а не идти вперед? И кто в русской литературе сильнее, чем Достоевский и Толстой, это движение вперед осуществил?

Достоевский представил кризис человеческой личности в самом крайнем его выражении, кризис человеческой индивидуальности: «Они... увидят наконец что такое Двойник! Я надеюсь слишком даже заинтересовать. Одним словом, я вызываю всех на бой...»

Конечно, нельзя рассматривать идею двойничества как нечто внеспециальное. Во всяком случае, еще в 1859 году сам Достоевский говорил: «За чем мне терять превосходную идею, величайший тип по своей социальной важности, который я первый открыл и которого я был первооткрывателем?» Но болезнь оказывалась столь глубокой, что получила уже и свою внутреннюю историю, развивалась по своим внутренним законам и поэтому воспринималась часто (и самим Достоевским в том числе) как

и некое имманентное явление. «Человек бежит от самого себя», — скажет позднее, хотя и по другому поводу Александр Блок.

Формулировка брала на себя уже начало нашего века, потрясенная невиданной революцией. «Кризис гуманизма», — писал один из тогдашних литературных теоретиков, — есть кризис внутренней формы человеческого самосознания в личности и через личность. Именно в этом смысле говорил о кризисе гуманизма Блок в статье 1919 года, так и названной им — «Крушение гуманизма». Наверное, не случайно В. Жирмунский назвал когда-то Достоевского «как бы предкавказцем», явление Блока». Блок воспринимал все эти процессы остро и под кризисом гуманизма имел в виду кризис той личности, которая была рождена и утверждена великой эпохой Ренессанса и постепенно деградировала и вырождалась в условиях буржуазного общества. «С христианской европейской», — отметил однажды в записной тетради Достоевский, — мы приняли в себя буржуазно... И вот все поколения оказались несостоятельными... Это даже не буржуазия; это какие-то вполне уж личники. Своя связь была нарушена, новая не завелась под гнетом административных начал... Личности, ставшие личниками, — так определялся процесс.

До поры до времени перед

Достоевским-художником не стояла проблема новой личности, «восстановление погибшего человека», если воспользоваться его собственным словом. К проблеме этой ему еще предстояло обратиться.

П ОРАЖАЮЩАЯ сила проникновения в человеческую душу как изначальная особенность Достоевского скоро получила возможность многократного усиления и необычайную сосредоточенность. Опыт Достоевского-художника обрел опору в таком опыте Достоевского-человека, которого, кажется, не знала мировая история искусства. Никто из гильотинированных поэтов, расстрелянных художников и повешенных писателей уже никогда не раскажет человечеству о своем последнем испытании. Достоевский, переживший ужас Семеновского плаца, ужас человека, приговоренного к смертной казни, расказал: «...эти пять минут казнили ему бесконечным сроком, огромным богатством; ему казалось, что в эти пять минут он проживает столько жизней, что еще сейчас нечего и думать о последнем мгновении... Что, если бы не умирать! Что, если бы воротить жизнь... — какая безмерность... Я бы тогда каждую минуту в целый век обратил...». Жизнь была возвращена. И каждая ее минута для Достоевского теперь уже обращалась в век. Сегодня эта

безмерность времени Достоевского, эта бесконечность его ясна, как никогда раньше. Да, Достоевский очень углублен в жизнь, в быт, в текущую историю — современность. Но мгновенный бытовой эпизод, сиюминутное бытовое обстоятельство обретают у него масштабы и глубину почти библейского действия.

И он прожил столько жизней». И как!

Недаром Достоевский позднее так ошутит протезизм Пушкина, знаменитую пушкинскую способность перевоплощения и с такой силой о ней скажет. Недаром потому, что сам Достоевский по-своему, по-достоевски, не был наделен ею в высшей степени. В своего героя он погружался полностью, шел с ним до конца, принимая его, растворяясь в нем, следя его логику, его идеи. Он не просто, как бы со стороны позволял ему свободно развиваться, что обычно для реалиста, он сам становился им и всегда выдерживал искусство, осуществляя принцип своего реализма («в высшем смысле»), по известному его слову. Не случайно, очевидно, Тургенев так отрезгивал на восприятие Достоевского его, тургеневского героя: «Бы до того полон и тонко схвачены то, что я хотел выразить Базаровым, что только руки расставлял от изумления — и удовлетворял. Точно Вы в душу мне вошли и почувствовали даже то, что я

считал нужным вымолвить». Может быть, потому-то Достоевский сумел и само зло показать в его особом качестве. Он не только выявлял отвратительность и безобразие зла, что было бы делом сравнительно легким или, во всяком случае, таким, которое искусство тысячекратно выполняло, но и его соблазн, прелесть, или, как говорили тогда, прелестность, то есть искусственность. Как в самом деле было не обьявить его носителем и апологетом зла? И обьявляли. А дело совсем в другом. Как справедливо отметил автор одной из последних книг о Достоевском, великий писатель «дает читателю и величайшую свободу совести, возможность испытать основы своей совести, своих убеждений, своих идеалов, возможностей собственной природы».

Именно такой подход выбирает почву из-под обьявляемых рассуждений о неопределенном двойничестве Достоевского, о его нравственном релятивизме. Ибо обьявлять всегда готов предаться оправданиям и самооправданиям, опираясь на «грехи великих», не понимая ни сути этих якобы грехов, ни подлинного ха-

раактера их изображения в искусстве.

Когда М. Бахтин написал свою знаменитую теперь книгу о Достоевском, то при всей локальности задания и установке на некоторую технологичность исполнения («Проблема поэтики Достоевского») она приобрела важный идейный смысл: в пух и прах разлетелась даже возможность говорить о художественном мономире Достоевского и, следовательно, о Достоевском — «двойнике», «двезе зла», «носителе нищенских идей» и т. д. и т. п. Но сегодня и к этому можно много добавить. Герои Достоевского не только носители определенной «идеи», для него страшно важна личность в целом, в совокупности всех своих качеств, часто неясных, беспрерывно проявляющихся, подвижных, становящихся, живущих. Личность у Достоевского вызывается на соучастие, сопереживание, сострадание, сопротивление, то есть выявляется не только как носитель «идеи», но и «щелчком», всем человеческим, как однажды выразился Достоевский. Собственно, поэтому-то она и оказывается часто борцом с «идеями» в себе же самой, находя силы в себе же самой.

В то же время высочайшая степень проникновения Достоевским в каждый из миров личностей, степень слияния с ними и дозволения, с одной стороны, и дозволения легко и по видимости убедительно припи-

сывать писателю мысли, чувства и чуть ли не деяния его героя, с другой стороны, игнорировать то, что можно было бы назвать авторской позицией. А ведь последовательное утверждение самостоятельности любого голоса в мире писателя уже в силу развития самого этого принципа не должно исключать самостоятельности авторского голоса, если не подчиняющего себе другого голоса, то хотя бы равного им. И в самом деле, почему свобода другого или других должна подавлять собственную свободу?

Достоевский, очевидно, сам создавал или ощущал особенности своей художественной системы. И потому часто, выходя за рамки собственно художественного творчества, пытался сформулировать свою авторскую позицию. Отсюда и «Зимние заметки о летних впечатлениях», и статьи, и, наконец, «Дневник писателя». Сегодня эти произведения привлекают наше особое внимание, давая возможность как бы прямого контакта с миром Достоевского.

Б ОЛЬНОМУ человечеству писатель ставил диагноз всечеловеческого, мирового масштаба. Но выявлял он их на русской почве. И не случайно. Западный мир недаром почти немедленно стал жадно вникать в Достоевского и в то же время как раз в связи с Достоевским не прочь был потолковать о загадочности и неблагоприятности «русской души». «Народ наш», — писал Достоевский, — с беспощадной силой выставляет на вид свои недостатки и пред целым светом готов толковать о своих язвах, беспощадно бичевать самого себя; во имя негодующей к нам правды, истины... Сила самосуждения прежде всего — сила; она указывает на то, что в обществе есть еще силы». Наш писатель писал отнюдь не только о наших язвах, но опирался он на действительно нашу беспощадную силу самосуждения. И здесь, даже в этих, так сказать, отрицательных задачах, он укреплялся в народе. Но не только в отрицательных.

Достоевский — народный писатель — звучит необычно. Ибо «народный» по традиции, идущей еще из XIX века, мы говорим о писателе, либо народом широко освоенном, либо читаемом и почитаемом, либо (чаще эти вещи, связанные) представившим широкий разлив народной жизни. Ни того, ни другого без больших натяжек не скажешь о Достоевском. Но Достоевский — наш доподлинно народный писатель: принципу народности как основному мировоззренческому принципу он, приняв ее однажды, не изменял никогда, постоянно держал его в уме. И в сердце. Достоевский-художник и здесь обрел опору в опыте Достоевского-человека. На каторге в создающем, пусть тяжело, труде на общем поле утвердилась его вера в русский народ. Более того, она родилась там. «Сколько я вынес из каторги народных типов, характеров!» — писал Достоевский. — Я сжился с ними, и потому, кажется, знаю их порядочно... Что за чудный народ. Вообще время для меня не потеряно. Если я узнал не Россию, так народ русский хорошо, и так хорошо, как может быть не многие знают его». Вера Достоевского в свой народ действительно прошла через все, и поколебать ее уже не могло ничто и никто. Менее всего те, кого он называл «фельдфебелями цивилизации»: «Теперь мы с такой крпальской самоуверенностью... стоим над народом, что любого-дорого посмотрят: руки в боки, взгляд с задором, сморим фертон», — смотрим да только поплеваем: «Чему у тебя, сила-мужик, нам учиться, когда да вся национальность-то, вся народность-то в сушности, одной ретроградство...»

Только после выхода на народную «почву», если воспользоваться выражением са-

мого писателя, для него принципиальным и многозначным, появилась возможность говорить, и для него, и для всей русской литературы, о новой личности, о новом, возрождающемся гуманизме.

Достоевский писал о больном мире, и болезням мира, им обнаруженным, он искал лекарство в соответствии с диагнозом. Он искал позитивных начал, идеальных определений, положительных героев. Но и здесь его мерой была, если можно так сказать, безмерность.

Проницательнейший и скептический Щедрин, трезво и прямо указав на то, что он назвал в произведениях Достоевского «пятнами» («Глумление над так называемым нигилизмом»), тем не менее написал: «По глубине замысла, по ширине задач нравственного мира, разработываемых им, этот писатель стоит у нас совершенно особняком. Он не только признает законность тех интересов, которые волнуют современное общество, но даже идет далее, вступает в область предвещаний и предчувствий, которые составляют цель не непосредственных, а отдаленнейших исканий человечества. Укажем тут бы на попытку изобразить тип человека, достигшего полного нравственного и духовного равновесия, положенную в основание романа «Идиот», — и, конечно, этого будет достаточно, чтобы согласиться, что это такая задача, перед которой бледнеют все возможные вопросы о женском труде, о распределении ценностей, о свободе мысли и т. п. Это, так сказать, конечная цель, в виду которой даже самые радикальные разрешения всех остальных вопросов, интересующих общество, кажутся лишь промежуточными станциями».

«Конечная цель». Нет, Достоевский не был пророком, но образ пророка и идея пророчества не переставали, как сказал когда-то Иван Аксаков о Тютчеве, «предноситься» перед ним. Наверное, он не был человеком веры в обычный и прямом значении этого слова («...Я дитя века, дитя неверия и сомнения»), но в нем всегда жила жажда веры. Он стремился к ней, искал ее. Искал ответов на мучавшие его вопросы. И находил их в сферах высоких и метафизических, может быть, потому, что находил их и в сферах земных и реальных. Вера в массу подкреплялась реальной верой в русский народ. Вера в личность получала подтверждение в факте реального, явленного, бывшем: Пушкин!

В 1880 году в знаменитой своей речи о пророческом значении Пушкина он только подтвердил то, что сформулировал еще в 1863 году: «Будь это пророк и провозвестник». Еще раньше, в 1861 году, Достоевский писал: «С общечеловеческим элементом, к которому так жадно склонен русский народ, он, мы уверены, наиболее познакомится через Пушкина».

Подчас мы склонны то, что Достоевский назвал «всемирной отзывчивостью» Пушкина, понимать только как протезизм, как чудную способность гениального поэта к перевоплощению. А Достоевский говорит не просто о пушкинском великом умеении ошутить и передать своеобразие других наций, а о всемирной отзывчивости как способности воплотить их идеальные начала, способности «воплотить в себе с такой силой гений чужого... народа, дух его, всю затеняющую глубину этого духа и всю тоску его привязания...».

Достоевский безмерен. Сегодня наконец, отвергая скорые приговоры, жесткие характеристики и категоричные суждения, мы это понимаем. И готовы мужественно принять эту безмерность гения, укрепленные тем, что безмерности зла, им обнаруженного, он противопоставил безмерность добра и света.

Г. СИЛИНА

ПАМЯТНЫЕ МЕСТА ДОМ НА УГЛУ

К 160-летию со дня рождения великого русского писателя молодые ленинградские скульпторы Юрий Лобашов, Юрий Кучинский и Николай Иванков разработали эскиз мемориальной доски. Ее текст

лаконичен: «В этом доме жил и работал в 1864—1867 гг. русский писатель Ф. М. Достоевский. Здесь созданы романы «Преступление и наказание», «Идиот». На памятной доске помещен барельеф Достоевского.

Обстоятельная экскурсия длилась несколько часов, потому что в городе на Неве много мест, связанных с жизнью и деятельностью Ф. М. Достоевского. В Инженерном замке на втором этаже есть угловая комната с видом на Фонтанку, где пробовал свои силы в литературе воспитанник Главного инженерного училища Федор Достоевский. Сейчас в этой комнате отдел комплектования Центральной военно-морской библиотеки.

Много квартир сменил будущий писатель, увеличившись со службы. На доме №11 по Владимирскому проспекту висит мемориальная табличка, извещающая, что здесь Достоевский жил с 1842 по 1845 год. Тут напечатан роман «Бедные люди», здесь пришла к нему литературная слава. Некрасов и Белинский приветствовали появление в

русской литературе нового яркого таланта.

На Семеновском плацу (страшное место гражданских казней, откуда писатель ушел на каторгу) давно построен прекрасный тюз (где, кстати сказать, ставят Достоевского). В Александровской Невской лауре — могила великого писателя. В Институте русской литературы АН СССР (Пушкинском Доме)

хранятся его рукописи. А сколько мест связано с героями Достоевского! Он «сел» их на Сенной площади, Гороховой улице. Есть «дом» Раскольникова, «дом» процентщицы и т. п.

Гости заинтересовались, что за человек этот их неожиданный гид, так прекрасно знающий Достоевского. Каково же было их изумление, когда «экскурсовод» представился: Андрей Федорович Достоевский. Это был внук писателя.

Тогда еще не было мемориального музея. Теперь он есть (и в нем довольно много вещей и книг из собрания внука). Здесь не только проходят экскурсии, ведется собирательская и научная работа. Музей стал одним из центров литературно-художественной жизни Ленинграда.

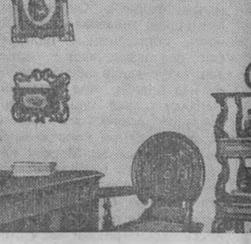
...На дверях — медная до-

щечка с гравировкой: «Федор Михайлович Достоевский». В приходе возле зеркала — его шляпа. Рядом с сундуком — посылка для зонтиков и трости. Все на месте.

В этом доме, — начала рассказывать Б. Н. Рыбалко, директор музея на углу Ямской (теперь улицы Достоевского) и Кузнечного переулков — Федор Михайлович жил в 1846 году и потом, уже с семьей, с 1878-го до конца жизни. Здесь он работал над романом «Братья Карамазовы» и «Дневник писателя» за 1881 год.

Музейю ровно десять лет, — продолжала Бэла Нуреевна, — он был открыт к 150-летию со дня рождения Достоевского. За минувшее десятилетие в квартире побывало свыше 700 тысяч человек: бразильцы и болгары, никарагуанцы, монголы, японцы, американцы, арабы. Словом, все флаги в гости... Не говорю уж об отечественных почитателях гения.

Рыбалко достает книгу отзывов. Вот что написал в ней Леонид Леонов: «Приходил в гости к Федору Михайловичу Достоевскому. Хозяйка, к сожалению, не оказалась дома. Но, значит, сохраняется что-то в этих стенах. Осталось странное чувство на душе, что хозяин знает о нашем посещении...» К. Симонов оставил такую запись: «Хочется побывать здесь еще и еще и еще раз — это главное чувство, которое испытываешь, приходя сюда впервые. Очень хорошо, что все остальное так умно и

органично дополняет мемориальную квартиру. Величайшее чувство благодарности испытываешь к тем, кто создал этот музей Ф. М. Достоевского, и к тем, кто причастен сейчас к его работе».

Руководили созданием музея его первый директор Б. В. Федоренко и художница Т. Н. Воронихина.

Музей-квартира — не только уютное театральное помещение стало местом самых разных литературных вечеров: здесь читают сонеты Шек-

И хотя архив писателя описан, хорошо изучен и, казалось бы, не таит ничего неожиданного, кандидат наук Т. И. Орнатская нашла несколько черновых набросков к роману «Братья Карамазовы» и новые документы по биографии писателя (расшифровка оставшихся неясными записи в «Сибирской тетради»), о чем и докладывала на конференции.

Но главный «отчет» о том, что сделано по изучению наследия классика, прозвучит в квартире. В юбилейные

Уголок кабинета Ф. М. Достоевского в ленинградском музее